

ЛУЧШИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

МИРОВОЕ
ПРИЗНАНИЕ!

■ ДЖОСЛИН ДЖЕКСОН

ТРИ ПЯТНАДЦАТЬ ■

ЭКСМО
phantom press

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Д 40

Josbilyn Jackson

A GROWN-UP KIND OF PRETTY

Copyright © 2012 by Josbilyn Jackson

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing,

New York, New York, USA.

All rights reserved.

Фото автора: *Herman Estevez*

Разработка серии: *А. Сауков, Ф. Барбышев*

Джексон Дж.

Д 40 Три пятнадцать / Джослин Джексон ; [пер. с англ. А. Ахмерово́й]. — М. : Фантом Пресс : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Лучший психологический детектив. Мировое признание!).

ISBN 978-5-699-65117-7

Каждые пятнадцать лет в жизни семейства Слоукэм происходят серьезные события. В пятнадцать лет Вирджиния по прозвищу Босс родила Лизу, спустя еще пятнадцать лет Лиза тоже родила дочь, а еще через пятнадцать Мози, младшая из Слоукэмов, стала свидетелем того, как во дворе их дома нашли могилу, где покоился сундучок с детскими костями. Мози решает выяснить, кто и почему устроил из их уютного двора кладбище. Открытия, которые она сделает, могут разрушить жизни всех трех женщин. Но ее сорокапятилетняя бабушка готова на все, чтобы защитить дочь и внучку от жутких тайн прошлого...

УДК 82(1-87)

ББК 84(7США)

© Ахмерова А., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, ЗАО «Фантом Пресс», 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65117-7

■

*Посвящается
Анджеле и Джентни,
живущим на краю света*

ПРОЛОГ ■

Босс

Моя дочь Лиза спрятала свое бедное сердце в серебряный ларец и закопала на заднем дворе под ивой. Вернее, рядом с ней. Корни у ивы длинные, разветвленные, поэтому пришлось копать чуть в стороне, там, где они уходили вглубь. Корни змеились взад-вперед, переплетались, помогая Лизе замести следы.

Глупость несусветная! В Миссисипи под землей ничего не спрячешь. Почва здесь влажная, плодородная: зимой похоронишь — по весне проклюнется. Пролетели годы, и Лизино сердечко, разбитое и холодное, проросло клубком тайн, которые испортили бы нам жизнь и отняли бы Мози, Лизину дочку. Однако упрекнуть Лизу язык не поворачивается: она была молода, обижена и хотела как лучше.

В конце концов, выкопала-то сердце я, идиотка чертова!

Головой надо было думать: мне исполнялось сорок пять, значит, на дворе лихой год. Каждые пятнадцать лет Господь небрежно поддевает нас перстом, и мы беспомощными пылинками улетаем во мрак. Едва на смену декабрю пришел январь, я поняла: мою семью снова будут терзать десять казней египетских.

Вообще-то я стараюсь не быть слишком суеверной — черных кошек люблю, за годным пирогом пройду под любой лестницей, — но семейное проклятие в виде числа пятнадцать никак не объяснишь.

В пятнадцать я родила Лизу, пятнадцать лет спустя у Лизы родилась дочь. Такое не проморгаешь. Мы с Лизой — правда, каждая по-своему — готовились к этому году с тех пор, как четырехлетняя Мози стала играть в парке с одним и тем же пухленьким белобрысым мальчишкой. Я не жалела денег на органическое молоко — слыхала, что в обычном есть гормоны, от которых девочки зреют как на дрожжах. Мол, ранние месячные именно от них. Лиза работала в ночную смену, я в дневную, и мы всегда знали, где и с кем Мози. Лиза ревностно следила, чтобы Мози не ступила на скользкую дорожку. Как это случается, ей известно не понаслышке. В исследовании скользких дорожек юная Лиза была Магелланом. А уж какая упрямец — не своротишь ее на путь истинный.

Помню, взяла двухлетнюю Лизу на пляж. Она, конечно, не помнила, что годом раньше уже видела океан, и смотрела на него как впервые. Лиза сидела у моего полотенца — от памперсов пухлая попка казалась еще пухлее, — лепила куличики и замороженно глазела на голубовато-зеленую воду. Никогда такого не бывало, чтоб Лиза так долго сидела спокойно. Через пару часов я собрала вещи и сказала, что нам пора. Лиза тут же сделала упрямое лицо и, поднявшись, широко расставила толстые ножки, мол, к битве готова.

— Хочу! — заявила она.

— Что хочешь, Кроха? — спросила я, и она показала пальчиком на волны.

Что ты будешь делать? Я рассмеялась. В ответ Лиза вкопалась ногами в песок, а лицо ее предрекало мне ожесточенные препирательства и адские вопли. Крыть мне было нечем.

— У нас же скоро полдник, да, Кроха? — прокурлыкала я, пытаюсь ее отвлечь. — Дома ждут крекеры, рыбки со вкусом пиццы!

Лиза на это не купилась.

— Хочу!

Она требовала, чтобы я сложила в сумку океан, песок, голубое небо и полсотни чаек с пеликанами и отнесла все к ней в комнату. Зубы стиснула — сама непреклонность. Я поглядела на нее и заранее устала от предстоящей стычки. Лиза готова была стоять до победного, до любого победного, а я нет.

Я сказала ей — бери, дескать, твое. Я подарила ребенку Мексиканский залив, ни много ни мало, взяла ее на руки, и мы стали смотреть на ее океан. Через минуту я повернулась к нему спиной, но Лиза заерзала: ей хотелось видеть воду. Дочка прижалась щекой к моей груди, и я качала ее в такт набегающим на берег волнам, пока она не заснула. Вода заметно прибывала, словно сам океан хотел угодить Лизе и залезть в мою пляжную сумку.

Некоторые считают, Лиза дикая и своенравная, потому что папы у нее нет вообще, а мама ее родила, когда сама еще была малолетняя идиотка. Может, они и правы. Лиза действительно вила из меня веревки, но сейчас я взрослая женщина, и никто не скажет, что я плохо воспитала внучку. Мози вообще была душкой, пока не грянул лихой год.

С первой минуты января и до июня я не сводила глаз с горизонта, высматривая надвигающуюся беду, и все равно оказалась не готова. Поди ж ты: не туда

смотрела. Глянуть под ноги я не догадалась, не подозревала, что мы столько лет жили на ползучей трещине в земле.

Летом у Лизы случился инсульт, и я решила: вот она, беда. Если потерять почти все, что было моей дочерью, самому Господу хватит на прокорм и чтоб зактнуться. Чего ж ему не достало-то?

Я стала копать глубже. То, что выкопала, бросило Лизу на растерзание демонам прошлого, утатило Мози в такие дебри, что мне б вовек ее не найти, а меня привело сюда, под стеклянную стену перегородной-аквариума, забитого юристами и их книгами. Ни один из них не был на моей стороне. Всего-то и было у меня — я сама, одноразовый стаканчик да моя правда. Правда юристам была до лампочки, так что оставались только я и стаканчик.

Слово «надзор» никогда мне не казалось мерзким. Оно означало, что полиция приглядывает за хулиганами, чтоб на улицах был порядок, а в темных закоулках покой. А теперь меня этим словом травят, вдруг оно обернулось безобразием. Теперь оно означает, что эта хладнокровная банда пришла за Мози.

Я и сама могла бы обзавестись адвокатом, подав объявление в газету: «Срочно требуется адвокат. Основные требования — любовь к долгим пешим прогулкам, бесплатному труду и проигранным делам». Думается, таких пруд пруди; у них контора между Русальей Бухтой и Лесом Единорогов.

Я очень жалела, что не взяла с собой Лоренса. Он, как говорят копы, родился с жетоном в кармане и наверняка способен приструнить любого юриста. Будь он рядом, не я бы помалкивала, а они. Будь он рядом, он держал бы меня за руку. Будь он рядом... Я знаю, что сказал бы Лоренс, будь он рядом. Что я должна

выменять, уступить, пожертвовать чем угодно, но Мози не отдавать.

Я лучше всех на свете знаю, чем он поступался ради своих мальчишек, — например, мной. Лоренс понизил бы свой рокочущий голос до шепота и велел бы бороться за Мози, потому что он-то знал, как я сражалась за Лизу. Но мне виднее. Его рядом не было, когда я залетела. Я тогда никому ни гугу. Перепугалась тогда настолько, что и родителям-то сказала уже на пятом месяце. Однажды за ужином мама глянула на меня искоса и велела отказаться от десерта. Мол, в последнее время я ем за троих, а такой живот девушку не красит. Тогда я и выложила свою тайну.

На следующий же день меня повезли в другой город к странному доктору. Родители выбрали акушера с еврейской фамилией, полагая, что тот — за аборты. Когда он осматривал меня, в кабинете сидела лишь мама, а папа вошел потом. Родителей интересовал «самый разумный вариант», и все прекрасно понимали, о чем речь. Я сидела в одной сорочке, крепко обнимала нерожденную Лизу. Разглядывала свои босые ноги и молчала. Пусть мама с папой вопросы задают.

Как же родители просчитались с доктором! Строгим, возмущенным голосом он спросил, известно ли им, на каком я месяце. Показал фотографию пятимесячного плода, а тот уже пинается, глазки зажмурены, а вокруг все водянисто-черное. «Сейчас речь уже не об отторжении бластулы, — мрачно, как скорбящий Христос, проговорил доктор. — Если она решит прервать беременность, везите ее в Луизиану. В Новом Орлеане с таким дела имеют». Судя по тону, доктор считал Новый Орлеан логовом нечестивых детоубийц. В общем, он хорошенько накрутил хвосты моим баптистам-родителям.

Бороться не пришлось: меня отвезли домой. Месяцем раньше все закончилось бы абортom вне зависимости от моего желания. Но позади была уже половина беременности, и я без памяти влюбилась в Лизу.

Лиза всю шевелилась — точнее не скажешь. Сновала внутри меня креветкой. Такой я ее себе и представляла. Но не как настоящую, таких я себе заказала как-то, они просто белесые, крапчатые рачки — не больше точки, такие малюсенькие. Один из моих рачков вымахал до размера булавочной головки, сожрал своих братьев-сестер, и такой он был раздутый и гадкий, что я его, упыря старого, смыла в унитаз. Лизу я представляла мультяшной креветкой из рекламных роликов, улыбчивой и в короне. Знай я тогда ее характер, представляла бы креветку с пылающим мечом.

Однако сегодня моя Лиза ни с кем сражаться не может. Сегодня у нее другие заботы — заново научиться говорить и ходить по комнате без ходунков. В общем, рассчитывать я могу лишь на себя.

Хладноглазая женщина, сидевшая в центре переговорной, глянула на меня сквозь стеклянную стену. Она была вся в белом, и с каждого боку у нее сидело по мужику, оба в темных костюмах с иголки. Троица смахивала на зловредное мороженое в вафлях, трупно-ледяное, которое только и ждет, чтоб я вошла и заговорила. Неподалеку от них на столе стоял графин из граненого хрусталя и три одинаковых, запотевших ото льда стакана, каждый на аккуратнейшей подставке, чтобы полировку темно-вишневого стола не испортить. Мой одноразовый стаканчик, сухой, как спичка, лежал в сумке.

На жакете той женщины не было ни пятнышка. Я белое носить не умею — постоянно тут же кофе на

грудь проливаю. Она была старше меня, но выглядела ровесницей, если не моложе. Я себя тоже в порядке держу: седые пряди закрашиваю, кожу увлажняю усердно и по-прежнему влезаю в любимые «ливайсы». Но эту женщину явно подновили, и неплохо. Ничего вопиющего, не как у актрис, у которых губы смахивают на воспаленные кошачьи кишки, а только подбородка лишнего как не бывало, а глаза распахнулись, как бывает после подтяжки. Пара-другая смешливых морщинок, да и те такие мелкие, что и говорить не о чем, — их, похоже, собирали редко. Коллеги по обе стороны от нее сурово хмурили лбы, а ее лоб походил на яйцо. В пятьдесят без ботокса такого не добиться, особенно если лихо запрягаешь и погоняешь закон, как своего собственного норовистого пони.

Сегодня я пришла сюда умолять, упрашивать, чтобы не забирали Мози. Пятнадцать — возраст очень непростой, а ее отправят туда, где никто не знает, что в грозу она до сих пор просыпается от страха и тербит нижнюю губу, когда врет; что расспросами от нее многого не добьешься, а вот если уйти на кухню и изобразить бурную деятельность, она устроится за разделочным столом и, болтая ногами, выложит все без утайки; что под подушкой у нее лежит одноглазый плюшевый кролик и что спит она, прижимая его к животу.

Если Мози заберут, я даже не узнаю, куда ее отправят. Наихудший расклад — совсем гнилое яблоко: где ни укуси, всюду рыхлое месиво с червями. Чистый яд. Хотелось попросить, чтобы оставили Мози в покое ради ее блага, а не ради моего, но, поочередно глядя в три пары холодных глаз — сейчас они дружно сверлили меня сквозь прозрачную стену, — я чув-

ствовала: затея пустая, а Мози для этих людей не человек, а пешка.

Вопрос заключался в том, отдам ли я внучку без боя или стану биться с этими ледяными мерзавцами не на жизнь, а на смерть. Но если в победу я не верю, стоит ли рыпаться? Хотите океан? Забирайте! Хотите внучку, которую я помогала Лизе растить? Да что там, это я ее вырастила: Лизу не изменишь. Это я учила Мози читать, миллион раз завязывала ей шнурки, была вожатой в ее скаутском отряде. Это я в прошлом году каждый день вставала пораньше, чтобы разобрать с ней алгебру. Тот учебный год оказался самым трудным для Мози, но, когда она принесла таблицу с тройкой с плюсом по алгебре, мы танцевали, взявшись за руки, и вопили от радости на всю кухню.

Там, у стеклянной стены, я, кажется, пришла к жуткому концу всего на свете. Жуткий конец всего на свете для моей семьи — знакомое место. Лиза видела его на гавайской вечеринке, которую школа Кэлвери устроила в честь завершения учебного года, а Мози — в день, когда я попросила Тайлера Бейнса срубить иву у нас на заднем дворе.

А я его видела? Да, у той стеклянной стены. Я пыталась набить рот беспомощными мольбами, но слова застряли в горле. Я увидела Мози в ее лучшем платье, в тысячу мелких цветочков. Она стоит на крыльце с Лизиной сумкой на плече, а в сумке все ее вещи. Вот Мози обвила мои плечи тонкими обезьяньими ручками и шепнула: «Прощай, Босс!»

Тогда я и поняла: здесь и сейчас пишется мое послание для Мози. Оно очень важно, даже если я проиграю, даже если блестящий государственный автомобиль увезет Мози из единственного места, которое она считает домом. Осиротевшая, перепуганная, она

должна знать: за нее я сражалась до последнего. И я всегда буду рядом. Она должна знать: едва блестящая машина тронется, я сяду в свой «шевроле-малибу», покачу следом и стану ждать. По закону или нет, но Мози — моя.

Я сделала глубокий вдох, робкий и болезненный, как первый вдох младенца, расправила плечи и сглотнула, хотя во рту было суше некуда. Вытащив из сумки одноразовый стаканчик, я распахнула дверь и влетела в комнату. Хлопнула стаканчиком по столу перед теми тремя. Вот вам разделительный барьер! Хлипкий стаканчик зашуршал по столу — для первого выстрела, конечно, слабовато, но ничего лучше у меня в запасе не было.

Я бросилась в бой.

■ ГЛАВА 1

Мози

Я никогда не узнала бы о другой Мози Слоукэм, не притащи болван Тайлер Бейнс цепную пилу, чтобы убить любимую мамину иву. И чужой доллар не поставила бы на то, что невероятное открытие сделает Тайлер. Козлиная бородка, татушки, вонючий пикап — тот еще первооткрыватель! Он жить не может без «Редмена»¹, а бурую слюну сплевывает, как верблюд, направо и налево. В прошлом году мама прозвала его Голожопым, потому что он плюется, как белый голодранец, и делает все через жопу.

«Он реально носит женские джинсы!» — хмыкнула Лиза, и я потянулась за ручкой. По английскому задали написать три примера иронии, а тут босая Лиза в секонд-хендных «келвинах кляйнах» с такой низкой посадкой, что видно серебряное колечко в пупке, стебется над женскими джинсами Тайлера Бейнса, который стрижет наш газон. Нет, нельзя — я даже листок не взяла. Меня изгнали в баптистскую школу уже шесть с лишним месяцев как, и я успела уяснить, что пример со стрингами миссис Рикетт не понравится.

---

¹ Марка жевательного табака. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Мама в жизни бы не позволила волосатым ручищам Тайлера Бейнса прикоснуться к своей драгоценной иве. До Лизиного инсульта Тайлер при разговоре смотрел ей не в лицо, а на грудь, словно между грудей у нее были микрофоны и, если прицелиться получше, можно заказать обед с чили-догом.

Первые две недели после инсульта мама почти не разговаривала. Сейчас, если при Тайлере выдавливает из себя неразборчивое, из одних гласных, слово, он хлопает круглыми глазами, смотрит вверх ее здорового плеча и спрашивает меня или Босса: «А че щас сказала Лиза?»

Утро, когда он убил иву, начиналось как любой глупый вторник. Я завтракала тостом и параграфом из учебника по обществоведению. Босс жарила яичницу и мешала ее с овсянкой, чтобы накормить маму. Лиза сидела за старым разделочным столом, рассматривала выпцветшие гранаты на обоях и витала где-то далеко-далеко. Так далеко, что сама никак не могла туда добраться.

Тогда я любила сиживать в продавленном кресле Босса, чтобы видеть Лизу с той стороны, с которой она на себя была похожа, хоть и сидела слишком неподвижно. Стыдно мне было пристраиваться со здоровой стороны: кажется, джинн из волшебной лампы прознал про мою мечту о более мамской маме, расколол Лизу надвое, и вот что мне досталось. Но даже стыд лучше, чем сидеть справа: правую руку Лиза поджимает, как раненая птица — крыло, с правой стороны губа чуть отвисает и иногда текут слюни.

Босс поставила миску с кашей и яичницей на стол и вложила ложку в здоровую мамину руку.